

И.В. Чельцов

Речь по поводу рассуждений о
нуждах единоверцев, сказанная в
заседании Санкт-Петербургского
отдела Общества любителей
духовного просвещения

Опубликовано:

Христианское чтение. 1873. № 5. С. 1-22.

Печатать дозволяется. Профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи
Иванъ Чельцовъ.

Р Ѣ Ч Ъ

ПО ПОВОДУ РАЗСУЖДЕНІЙ О НУЖДАХЪ ЕДИНОВѢРЦЕВЪ, СКАЗАННАЯ
ПРОФЕССОРОМЪ Н. В. ЧЕЛЦОВЫМЪ 28-ГО МАРТА ВЪ ЗАСѢДАНІИ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОТДѢЛА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(По записи стенографа Тулинова).

Пользуюсь позволеніемъ сказать нѣсколько словъ—
для того, чтобы вопросъ, о которомъ мы слушали
бесѣду цѣлыхъ три засѣданія, былъ ближе понятъ
нами и признанъ въ настоящемъ свѣтѣ.

Въ сегодняшнемъ своемъ чтеніи Т. И. Филиповъ,
дозволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько отзывовъ о тѣхъ
замѣчаніяхъ на свою первую рѣчь, которая въ
прошломъ засѣданіи были высказаны И. Ѳ. Ниль-
скимъ. Мнѣ кажется, и я имѣю послѣ того нѣко-
торое право выразить свое мнѣніе о рѣчи самого
Тертія Ивановича. Онъ началъ тѣмъ, что цѣлый
часъ доказывалъ намъ, что святая Церковь не при-
даетъ обрядовымъ разностямъ значенія, достаточнаго
для того, чтобы препятствовать взаимному единенію
между собою церковныхъ обществъ, придерживаю-
щихся разныхъ обрядовъ. Въ доказательство этой
мысли онъ привелъ множество фактовъ изъ древней
исторіи Церкви. А въ заключеніе онъ же, Т. И. Фп-

липовъ, предложилъ намъ—для рѣшенія вопроса о *сугубой аллилуйи* между нами и нашими единовѣрцами—созвать вселенскій соборъ. Начало и конецъ его рѣчи показались мнѣ очень мало соответствующими одинъ другому.

Обращая за тѣмъ свои замѣчанія вообще на весь рядъ поднявшихся по возникшему такимъ образомъ вопросу разсужденій, останавлиюсь на той мысли, съ которою и я согласенъ, что, дѣйствительно, святая Церковь смотрѣла всегда на обряды, по выраженію одного изъ старинныхъ синодскихъ памятниковъ, какъ на вещь *среднюю*, которая получаетъ свою силу отъ повелѣнія или власти Церкви, такъ что когда въ извѣстное время церковная власть повелѣваетъ или запрещаетъ извѣстный обрядъ, то эта средняя вещь получаетъ уже особое значеніе для подчиненныхъ ей, потому что нарушеніе повелѣнія или запрещенія власти есть уже преступленіе противъ власти. Т. И. замѣтилъ, что онъ съ этимъ воззрѣніемъ Св. Синода на обряды не согласенъ, что онъ находитъ его страннымъ и что «еслибы допустить это воззрѣніе, то должны бы были слѣдовать *абсурды*, то есть, выходило бы, что одна и таже вещь въ одномъ случаѣ была бы дозволена, а въ другомъ—нѣтъ». Но я не вижу въ этомъ никакого абсурда. Въ исторіи Церкви есть очень много примѣровъ, когда дѣйствительно одна и таже вещь въ данное время была запрещена Церковью, а въ другое дозволена. Напримѣръ, во времена апостольскія запрещено было учить евреевъ, чтобы они на будущее время не обрѣзывали своихъ дѣтей. Когда апостоль Павелъ, послѣ одного изъ своихъ путешествій съ проповѣдію евангелія, воз-

вратился въ Іерусалимъ; то старцы іерусалимской церкви сказали ему: «о тебѣ говорятъ, будто бы ты учишь іудеевъ, живущихъ между язычниками, отступленію отъ закона Моисеева, отъ обрѣзыванія дѣтей». Апостоль отвѣчалъ, что онъ этого не дѣлалъ; тѣмъ не менѣе его заставили доказать, что онъ этого не дѣлалъ, — совершить обрядъ очищенія и принести жертву въ іерусалимскомъ храмѣ, чтобы всѣмъ видно было, что онъ и самъ хранитъ обряды Моисеева закона. А спустя полтора года, или даже менѣе того, лѣтъ, этого уже не требовалось; напротивъ того было постановлено правиломъ, что, если бы кто дозволилъ себѣ молиться въ синагогѣ вмѣстѣ съ евреями, тотъ долженъ быть отлученъ отъ Церкви. Въ томъ и другомъ случаѣ не было ничего предосудительнаго — ни въ требованіи, ни въ запрещеніи; потому что дѣло касалось обряда, то есть, средней вещи. Не считаю нужнымъ доказывать, что этотъ взглядъ на значеніе обрядовъ принадлежитъ не нашему только Святѣйшему Синоду, а всѣмъ православнымъ церквамъ всѣхъ временъ. Этимъ возрѣніемъ Церкви на обряды объясняется то замѣчательное явленіе въ исторіи борьбы православной Церкви съ расколами, что когда, въ случаѣ разнообразнаго рѣшенія обрядоваго вопроса двумя помѣстными церквами, въ той и другой изъ нихъ возникали изъ за этого раскольническія партіи и случалось, что раскольническая партія каждой изъ двухъ данныхъ церквей держалась того обряда, который былъ принятъ церковною властію другой церкви; то сами церкви, не смотря на разнообразіе въ извѣстномъ обрядѣ, оставались между собою въ единеніи, а воз-

нижавшія въ нихъ раскольническія партіи осуждались взаимно какъ тою церковію, отъ которой та или другая изъ нихъ отдѣлялась по различію въ обрядѣ, такъ и тою, съ которою искала общенія по единству обряда: ибо не видъ обряда самъ по себѣ, но неповиновеніе подлежащей церковной власти изъ за того или другаго вида обряда дѣлаеть раскольника раскольникомъ. Не входя въ подробное изложеніе такихъ примѣровъ, скажу только, что съ этой точки зрѣнія мы должны усвоить себѣ то заключеніе, что *въ вещахъ среднихъ*, то есть, въ дѣлахъ касательно обрядовъ, допускающихъ разнообразіе, власть церковная имѣеть право въ то или другое время, смотря по обстоятельствамъ, одну и ту же вещь и запретить и дозволить.

Приближая это общее замѣчаніе къ возбужденному въ нашемъ Обществѣ вопросу, обращаю теперь ваше, мм. гг., вниманіе на указанное будто бы противорѣчіе между опредѣленіемъ Собора 1667 года и между дозволеніемъ единовѣрія. Въ 1667 году соборъ русской церкви, какъ извѣстно, запретилъ употребленіе извѣстнаго рода обрядовъ; а за тѣмъ въ 1800 году русская церковная власть дозволила употребленіе этихъ же самыхъ обрядовъ. Т. И. Филиповъ находитъ, будто бы здѣсь есть противорѣчіе, будто бы въ настоящее время русская церковь одними и тѣми же устами одно и то же и одобряеть и осуждаетъ. Я говорю, что противорѣчія вовсе нѣтъ, и ставлю то положеніе, что всякая власть, а въ томъ числѣ и церковная, въ разное время и въ разныхъ обстоятельствахъ, можетъ, безъ всякаго противорѣчія самой себѣ, одно и то же въ данное время дозволить, а въ

другое—запретить. Въ самомъ дѣлѣ, что такое сдѣлалъ Соборъ 1667 года? Онъ стоялъ именно на началахъ той измѣняемости обряда, рѣчью о которой началъ свои объясненія Т. И. Филиповъ: изъ мнѣній его членовъ, изъ его опредѣленій, и заимствованы почти всѣ тѣ примѣры видоизмѣненія обрядовъ, которые Т. И. Филиповъ приводилъ въ своей рѣчи. Не странно ли было потомъ слышать изъ устъ того же самаго Тертія Ивановича упрекъ' этому собору въ томъ, будто бы въ своемъ опредѣленіи онъ остался невѣренъ тѣмъ принципамъ, изъ которыхъ въ дѣйствительности вытекли всѣ его опредѣленія? Соборъ 1667 года, торжественно заявивъ, что обряды именно вещь измѣняемая, отмѣнилъ за тѣмъ извѣстный видъ обряда и потребовалъ послѣ того, чтобы этотъ отмѣненный имъ видъ обряда не былъ болѣе соблюдаемъ никѣмъ во всей паствѣ русской церкви. Объявленіемъ измѣняемости обрядовъ Соборъ сдѣлалъ великое дѣло въ исторіи нашей русской церкви. Я не хочу этимъ сказать, чтобы прежде никто изъ русскихъ пастырей не понималъ вопроса объ обрядности такъ, какъ понималъ его Соборъ; но считаю упомянутое опредѣленіе Собора особенно важнымъ потому, что въ то время очень многіе изъ русскихъ христіанъ смотрѣли на христіанство, какъ на одну обрядность, приходя къ той мысли, что неизмѣнность вѣры состоитъ въ соблюденіи неизмѣнности и обрядовъ. Это религіозное воззрѣніе грозило чрезвычайной опасностью русской церкви: въ немъ была основа совершенной неподвижности въ развитіи русской церковной жизни; въ немъ крылось запрещеніе всякаго образованія, невозможность какого бы

ни было церковнаго прогресса. Когда Соборъ, за тѣмъ, одинъ видъ обряда запретилъ, а другой установилъ, притомъ съ яснымъ сознаниемъ, что обрядъ вообще видоизмѣняемъ и что онъ, Соборъ, имѣеть право видоизмѣнять обряды; то этимъ самымъ онъ принесъ величайшую пользу русской церкви, примѣнивъ такимъ образомъ общій свой принципъ къ самому дѣлу. Въ то время было именно полезно запретить тѣ обряды, которые запретилъ Соборъ 1667 года,—полезно было для того, чтобы внушить заблуждавшейся части народа, что обряды не есть что нибудь неизмѣнное. Въ то время было хорошо, запретивши извѣстные обряды, положить клятву на ослушниковъ этого запрещенія, чтобы непокорные знали силу церковной власти и не противились ея опредѣленіямъ, упорно считая запрещенный видъ обряда неизмѣннымъ какъ ученіе вѣры.—Подкрѣпленное клятвою на ослушниковъ, это распоряженіе церковной власти существовало безъ измѣненія около 150 лѣтъ; наконецъ обстоятельства перемѣнились. Нельзя уже было, не легко уже стало смотрѣть на расколъ; существовавшій около 150 лѣтъ, какъ на явленіе мимолетное и скоропреходящее. Въ XVII столѣтіи церковной власти было нужно, во что бы то ни стало, произвести, по усмотрѣнію ея, извѣстное преобразование касательно извѣстной части обрядовъ,—нужно было достигнуть того, чтобы, по возможности, всѣ въ народѣ подчинились ея опредѣленію и приняли ея распоряженіе. Съ теченіемъ времени цѣль была достигнута: огромное большинство народа подчинилось этому распоряженію и усвоило возрѣвіе Собора 1667 года на значеніе въ рели-

гіозной жизни обрядовъ; между тѣмъ въ части народа все еще держалась раскольническая партія. Дѣйствительно, долго и упорно смотрѣли на эту партію, какъ смотреть на отдѣльные лица, случайно выдающіяся личнымъ своимъ ослушаніемъ власти; къ людямъ этой партіи относились такъ, какъ будто бы каждый изъ нихъ былъ собственно сыномъ православной русской церкви, лично оказывающимъ ослушаніе ея власти, и долго надѣялись обратить непокорныхъ къ повиновенію строгостями. Полуторастолѣтній опытъ наконецъ показалъ, что расколъ достаточно упрочился, что не слѣдуетъ болѣе относиться къ раскольникамъ такъ легко, какъ относятся къ непослушанію того или другаго отдѣльнаго лица, что съ ними должно поступать какъ съ особою отъ Церкви сектою. Поэтому, когда въ русской церкви, въ средѣ всего православнаго народа, обобщилось и установилось уже убѣжденіе, что обрядъ есть измѣняемая вещь, хорошо поступилъ Св. Синодъ, дозволивъ прежнимъ приверженцамъ раскольнической секты, подъ извѣстными условіями, то, что 150 лѣтъ тому назадъ было запрещено всѣмъ вообще членамъ русской церкви. Теперь дозволеніе это уже ни въ комъ изъ православныхъ не пробудитъ мысли, будто бы обряды неизмѣняемы, или сами по себѣ составляютъ нѣчто неизмѣнное. Что до начала единоврѣя, до 1800 года, исключая случая, бывшій при императрицѣ Екатеринѣ II, о которомъ упомянулъ Т. И. Филиповъ, русская церковная власть неизмѣнно наблюдала за исполненіемъ опредѣленія Собора 1667 года, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и Т. И. Филиповъ напрасно терялъ время, до-

казывая это такъ продолжительно. Никакая второ-степенная церковная власть (въ родѣ московской консисторіи, или какого нибудь епархіальнаго преосвященнаго) до той поры, пока единовѣріе не было дозволено высшею властію всей русской церкви, не могла иначе поступать, какъ по точной буквѣ опредѣленія Собора 1667 года; потому что другаго общаго постановленія русской церковной власти на этотъ предметъ не существовало. Но церковная власть поступала такъ во все время до утвержденія правилъ о единовѣрїи совсѣмъ не по той причинѣ, чтобы соблазнявшій раскольниковъ обрядъ считала, самимъ по себѣ, еретическимъ (какъ думаетъ Т. И.). а потому (какъ доказалъ профессоръ Нильскій), что неповиновеніе ей изъ за этихъ обрядовъ считала дѣломъ противнымъ своему праву, противнымъ общему христіанскому понятію, по которому, какъ я уже сказалъ, церковная власть безъ всякаго противорѣчія себѣ можетъ въ разное время и въ разныхъ обстоятельствахъ одно и то же запретить или дозволить, какъ скоро дѣло касается такихъ предметовъ, которые составляютъ *среднія вещи*. Въ доказательство такого именно воззрѣнія всей христіанской Церкви на обряды я приводилъ въ примѣръ еврейскіе обряды, которые были нѣкогда дозволены, а послѣ запрещены; но не только въ древней, а и въ новѣйшей церковной практикѣ есть множество подобныхъ примѣровъ. Т. И. указалъ на нѣкоторые изъ нихъ, какъ на нечлѣпость; я укажу на нихъ же, какъ на отличное доказательство объединяющей силы вѣры, не смотря на различіе обряда. Напримѣръ, у насъ инославныхъ христіанъ, содержащихъ правильное ученіе о Св. Трои-

цѣ, при принятіи въ православную Церковь, не крестятъ, а у грековъ—крестятъ. Есть ли это что нибудь дѣйствительно противорѣчащее? Ни въ томъ, ни въ другомъ образѣ дѣйствій я не вижу противорѣчія, и его дѣйствительно нѣтъ, хотя у насъ, по правиламъ нашей церкви, заслужилъ бы осужденіе тотъ священникъ, который бы дозволилъ себѣ окрестить крещеннаго римско-католика, а въ греческой церкви заслужилъ бы осужденіе тотъ, кто, напротивъ, позволилъ бы себѣ принять его въ общеніе безъ крещенія: потому что и то и другое постановленіе мѣстныхъ церквей касательно образа принятія инославныхъ одинаково законно и равно полезно и нужно для блага православной Церкви, вслѣдствіе различія въ обстоятельствахъ и дѣйствительномъ отношеніи къ Церкви христіанъ другихъ исповѣданій, существующаго для русской церкви у насъ, въ Россіи, съ одной стороны, и для греческой церкви на востокъ—съ другой. Даже въ одной и той же мѣстной церкви, но въ разное время и въ различныхъ обстоятельствахъ, постановленія подобнаго рода, какъ касательно образа принятія еретиковъ, такъ и касательно другихъ обрядовыхъ вопросовъ, нерѣдко разнообразились; но этого рода разнообразіе отнюдь не есть противорѣчіе, такъ какъ каждое изъ этихъ разнообразныхъ постановленій въ свое время было одинаково полезно и необходимо для блага Церкви, и пастырская мудрость церковной власти именно требовала, въ извѣстное время, что либо касательно *вещей средних* запретить, а въ другое время тоже самое — дозволить, для достиженія одной и той же цѣли.

Считаю излишнимъ обращать вниманіе на тѣ уко-

ризы, будто бы въ настоящее время русская церковная власть виновата въ томъ, что единовѣрцы не сравнены будто бы въ правахъ съ православными, то есть, съ прочими членами православной Церкви. Объясненія профессора Нильскаго достаточно показали, что причиной извѣстныхъ явленій, указанныхъ г. Филиповымъ, слѣдуетъ считать не взглядъ нашего церковнаго правительства на тѣ или другіе обряды, а взглядъ самихъ единовѣрцевъ на обряды. Въ самомъ дѣлѣ, если бы единовѣрцы искренно были убѣждены въ измѣняемости своихъ обрядовъ, подобно прочимъ возрастнымъ членамъ нашей православной церкви: то, конечно, имъ не было бы и надобности заботиться о своихъ исключительныхъ приходахъ, о своихъ исключительныхъ обрядахъ; каждый изъ нихъ могъ бы соблюдать теперь свои обрядовыя особенности, свой образъ сложенія руки при крестномъ знаменіи, совершенно свободно молясь во всехъ православныхъ храмахъ. А что Св. Синодъ нисколько не измѣнилъ церковнаго взгляда на обряды и всегда былъ вѣренъ тому возрѣнію на нихъ, которое было изложено въ опредѣленіяхъ собора 1667 года, объ этомъ я уже и не говорю; такъ какъ это само собою ясно изъ того положенія, что, не смотря на видимую разность постановленія Собора 1667 года и правилъ единовѣрія, между ними въ дѣйствительности нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія.

Считая однако существованіе въ этомъ противорѣчіи несомнѣннымъ, Т. II. находитъ, что, вслѣдствіе этого противорѣчія, необходимо созвать соборъ и новымъ соборнымъ опредѣленіемъ отмѣнить опредѣленіе Собора 1667 года. Онъ дозволялъ себѣ даже

замѣтить, что мы, потомки отцовъ того собора, должны теперь перенести ту оскомину, которая естественно должна на насъ отозваться отъ того, что предки наши позволили себѣ вкушать кислую пищу, — т. е., что мы должны будто бы повиниться за грѣхи отцовъ Собора 1667 года. Въ этихъ его заявленіяхъ весьма много несправедливаго. Во-первыхъ, несправедливо уже то предположеніе, будто бы отцы Собора 1667 года дурно поступили, положивъ то запрещеніе на извѣстные обряды, или ту клятву за соблюденіе ихъ на будущее время, которую они дѣйствительно положили. Напротивъ, они поступили хорошо; потому что, какъ уже было замѣчено мною, этимъ самымъ они положили начало новому періоду въ исторіи русской церкви, который способствовалъ развитію въ Россіи образованія, богословскихъ наукъ и христіанскаго сознанія въ обществѣ, и съ которымъ кончилось буквенное полудѣтское пониманіе христіанства огромнымъ большинствомъ вѣрующихъ русской церкви. Сдѣланное ими было въ высшей степени полезно для Церкви въ ту пору, равно какъ, въ свою очередь, было полезно для Церкви и сдѣланное отцами, чрезъ 150 лѣтъ дозволившими единовѣріе. Мнѣ вспоминается теперь разсужденіе, недавно встрѣченное мною въ письмѣ одного раскольника, помѣщенномъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» и написанномъ по поводу происходившихъ въ Москвѣ между раскольниками и православными преній. Нѣкто Боевъ, между прочимъ, писалъ, что состязанія раскольниковъ съ православными, въ тѣхъ видахъ, чтобы не касаться личныхъ убѣжденій современниковъ, велись такимъ образомъ, что диспутирующіе разбирали, кто изъ ихъ отцовъ

правъ или виноватъ,—т. е., предки ли раскольниковъ были правы, воспротивившись постановленію Собора 1667 года, или правы были предки православныхъ, утвердившіе упомянутое соборное постановленіе; затѣмъ уже должно было слѣдовать само собою, что если предки православныхъ были правы, то раскольники должны признать правоту и ихъ современныхъ потомковъ, какъ наследниковъ своихъ отцовъ, а если оказались бы правы предки раскольниковъ, то православные должны признать правоту раскольниковъ и отказаться отъ своего образа мыслей, разумѣется, въ пользу раскольническаго. Такимъ образомъ, въ постановкѣ разсужденія о Соборѣ 1667 года косвеннымъ образомъ заключается разсужденіе вообще о томъ, правъ ли расколъ, отложившійся отъ русской церкви въ 1667 году изъ за своего мнимо-неизмѣннаго двуперстія, или права православная Церковь, твердо стоявшая на своемъ понятіи о томъ, что обряды неизмѣняемы, строго и постоянно повторявшая это 200 лѣтъ, до сихъ поръ держащаяся этого понятія и, на основаніи этого понятія объ неизмѣняемости обрядовъ, извѣстные обряды запретившая тогда всеѣмъ, а теперь дозволившая нѣкоторымъ, въ томъ и другомъ случаѣ обращая вниманіе на ту пользу или тотъ вредъ, которые тогда и теперь могли бы произойти отъ незапрещенія, или отъ недозволенія? Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что было бы, если бы Соборъ 1667 года не запретилъ извѣстныхъ обрядовъ и не положилъ клятвы на ослушниковъ своего запрещенія. То, что считалось старымъ русскимъ обрядомъ, считалось бы въ понятіяхъ народа неизмѣннымъ догматомъ божественнаго откровенія. Въ этомъ смыслѣ шло бы и дальнѣйшее развитіе

образованія русской церкви. Тогда вся русская церковь усвоила бы себѣ раскольнической образъ мыслей и не было бы даже въ предположеніи такого рода сношеній, какія мы ведемъ теперь, напримѣръ, съ старокатоликами, или чего нибудь въ этомъ родѣ. Равнымъ образомъ, если бы русская церковная власть, не допуская измѣненій въ обрядѣ, въ 1800 году не дозволила правилъ о единовѣрціи, то она принесла бы ущербъ благу Церкви, потому что не допустила бы въ ея нѣдра многихъ достойныхъ того людей,—хотя справедливо, что, принимая въ общеніе такъ называемыхъ единовѣрцевъ, церковная власть смотрѣла на принятіе ихъ, какъ на принятіе дѣтей, которыя не могутъ считаться равными возрастнымъ членамъ Церкви, и принимала ихъ въ надеждѣ, что эти дѣти со временемъ выростутъ до надлежащаго возраста и, достигши полнаго разума, сольются въ своемъ образѣ мыслей съ прочими членами Церкви.

Во-вторыхъ, если бы даже и справедливо было то предположеніе, будто бы Соборомъ 1667 года было сдѣлано что нибудь требующее отмѣны; то и въ такомъ случаѣ еще никакъ не слѣдовало бы отсюда, что для отмѣны этого *необходимо* требуется созвать новый соборъ. Много было соборныхъ постановленій и правилъ, которыя, въ извѣстное время бывъ положены болѣе или менѣе односторонне, съ теченіемъ времени сами собою теряли силу, безъ формальной отмѣны ихъ какими либо новыми соборными постановленіями; такъ какъ вообще постановленія церковныхъ властей касательно вещей среднихъ, сдѣланныя въ данное время, имѣютъ для христіанъ послѣдующихъ временъ столько значенія и силы, сколько при-

знаеть это за ними существующая церковная власть того или другаго послѣдующаго времени, подтверждающа ихъ значеніе и силу въ практическомъ примѣненіи ихъ своимъ авторитетомъ, или не подтверждающа. Такое же значеніе имѣла и клятва, которая была положена Соборомъ 1667 года. Т. И. нѣсколько разъ и весьма настойчиво называлъ ее *безусловною*; просящеюся безусловно на *все* будущее время. На самомъ дѣлѣ она не имѣла и не могла имѣть характера такой безусловности. Она безусловно запрещала извѣстные обряды только современникамъ Собора 1667 года, какъ живымъ сынамъ жившихъ тогда пастырей Церкви. Для нихъ она была безусловнымъ запрещеніемъ ослушаться извѣстнаго церковнаго постановленія; но только—для нихъ. Можетъли Т. И. сказать, чтобы въ этомъ постановленіи собора было точно выражено, что *безусловно* запрещается *на все будущее время до скончанія вѣковъ* придерживаться извѣстныхъ обрядовыхъ разностей, притомъ—даже въ томъ случаѣ, если бы черезъ нѣсколько столѣтій появились лица, которыя, во всемъ прочемъ повинуваясь Церкви, только въ этомъ хотѣли бы ослушиваться настоящаго соборнаго постановленія? Если бы такъ было выражено опредѣленіе Собора 1667 года; тогда оно дѣйствительно имѣло бы видъ безусловнаго запрещенія извѣстныхъ обрядовъ на всѣ будущія времена и на всѣ случаи: но и тогда оно не имѣло бы силы дѣйствительнаго запрещенія этихъ обрядовъ на всѣ будущія времена и на всѣ случаи; потому что, какъ уже было сказано, постановленія церковныхъ властей касательно вещей среднихъ имѣютъ для христіанъ послѣдующихъ временъ столько значенія и силы, сколько при-

знаеть это за нѣмъ существующая церковная власть того или другаго послѣдующаго времени. Слѣдовательно, какъ только перемѣнились бы обстоятельства съ теченіемъ времени и существующая церковная власть, по долгу пастырскаго служенія примѣняя къ новымъ обстоятельствамъ предметъ прежняго соборнаго постановленія, перестала бы на практикѣ подтверждать его силу своимъ авторитетомъ; то постановленіе подобнаго рода потеряло бы всякую силу и перешло бы въ область отжившихъ и забытыхъ законовъ само собою, безъ всякой формальной отмѣны его какимъ либо новымъ закономъ. Кто нибудь, можетъ быть, скажетъ: да дѣйствительно ли бывали подобныя примѣры въ исторіи Церкви? Ихъ было не мало. Напримѣръ, съ самой глубокой древности существовало правило, въ послѣдній разъ предъ временемъ перехода св. Григорія Богослова въ Константинополь подтвержденное для восточной церкви антиохійскимъ соборомъ (а всякое правило постановляется, конечно, съ извѣстнымъ запрещеніемъ нарушать его),—существовало, говорю, правило, что никакой епископъ не долженъ оставлять своей кафедры и переходить на другую,—напримѣръ, изъ Сасимъ въ Константинополь. Подъ предлогомъ этого правила (21 прав. антиох. соб.), какъ говоритъ самъ Григорій Богословъ, второй вселенскій соборъ не пожелалъ признать его епископомъ константинопольскимъ, такъ какъ онъ прежде былъ уже сасимскимъ епископомъ. Между тѣмъ правило это, говоритъ св. Григорій Богословъ, *«было давно уже умершимъ и забытымъ»*, такъ какъ въ теченіе сорока лѣтъ, протекшихъ послѣ времени антиохійскаго собора, было множество случаевъ перехода епископовъ съ

однихъ каедръ на другія. И Григорій Богословъ былъ правъ, говоря это: дѣйствительная причина удаленія его изъ Константинополя была совершенно другая, изъ исторіи извѣстная; правило же, подведенное къ его дѣлу и по этому случаю подтвержденное вновь вторымъ вселенскимъ соборомъ, какъ прежде, съ перемѣною обстоятельствъ церковной жизни въ четвертомъ столѣтіи, перестало имѣть дѣйствующую силу, такъ и послѣ втораго вселенскаго собора никогда не соблюдалось, хотя никогда и не отмѣнялось. Однако законенъ ли такой порядокъ дѣлъ и сообразенъ ли съ ученіемъ христіанской вѣры? Совершенно законенъ и сообразенъ; потому что только догматы, или Божіи повелѣнія, имѣютъ безусловно обязательную силу для христіанъ всѣхъ мѣстъ и временъ; распоряженія же церковныхъ властей касательно вещей среднихъ имѣютъ только условную силу въ извѣстныхъ предѣлахъ мѣста и времени. Не старымъ хартіямъ и номоканонамъ заповѣдалъ намъ Апостоль повиноваться, но дѣйствительнымъ наставникамъ нашимъ, которые заботятся именно о нашемъ спасеніи, зная именно наши духовныя нужды и имѣя долгъ удовлетворять ихъ. Изъ этого я вывожу заключеніе, что если бы въ извѣстное время церковною властію постановлено было какое либо опредѣленіе касательно *вещей среднихъ*— даже дѣйствительно односторонне, непредусмотрительно, или несправедливо; то церковнымъ властямъ послѣдующихъ временъ совѣмъ нѣтъ необходимости отмѣнять его формальнымъ и торжественнымъ соборнымъ опредѣленіемъ. Тѣмъ не менѣе клятва Собора 1667 года, могутъ возразить, беспокоить совѣсть немощныхъ единовѣрцевъ? Для врачеванія совѣсти не-

моцныхъ есть средства болѣе цѣлесообразныя, чѣмъ созываніе соборовъ, не вызываемое дѣйствительною нуждою.

Мнѣ думается, что Т. И., разсуждая о необходимости соборнымъ порядкомъ отмѣнить клятву Собора 1667 года, въ дѣйствительности имѣлъ въ виду не столько то, чтобы доказать, что дѣйствительно нужно бы было эту клятву отмѣнить вообще, и не столько то, чтобы доказать, что ее нужно отмѣнить соборнымъ порядкомъ, сколько то, чтобы поднять вообще вопросъ о созваніи собора, котораго такъ давно уже не было въ русской церкви. Память о временахъ соборовъ такъ дорога для всѣхъ любителей церковности. Мнѣ приходилось не разъ слышать отъ лицъ, искренно преданныхъ интересамъ Церкви, выраженія какбы нѣкотораго чувства зависти къ тѣмъ мѣстнымъ церквамъ, въ жизни которыхъ соборы составляютъ обычное явленіе, и восторженные указанія на церковный бытъ древнихъ временъ, когда такъ часто и такъ легко составлялись общія собранія пастырей Церкви, сопровождаемая особенною торжественностію и оставлявшія послѣ себя всегда болѣе или менѣе громкую славу. Обращая вниманіе на эту частность нашего собесѣдованія, хотя она отчасти уже сторонняя для вопроса о нуждахъ единовѣрцевъ, замѣчу, что соборы сами по себѣ дѣйствительно составляютъ прекрасную форму церковнаго управленія, вполне соответствующую его духу и идеалу по ученію Спасителя. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю нужнымъ сказать, что подобнымъ образомъ можно отзываться только о тѣхъ соборахъ, члены которыхъ были дѣйствительно представителями мнѣній и нуждъ своихъ паствъ, а не о

тѣхъ, которые были только формою прикрытія воли одного лица или извѣстной господствовавшей партіи, опиравшейся на государственную власть даннаго времени. Между тѣмъ исторія представляетъ очень много примѣровъ подобнаго рода, когда соборы дѣйствительно были только формою, прикрывавшею произволь частныхъ лицъ или отдѣльныхъ партій. Для того, чтобы они не были такою формою, всякому знакомому съ церковнымъ бытомъ древнихъ и новѣйшихъ временъ должно быть понятно, что прежде, чѣмъ думать о созваніи епископовъ, назначеніи мѣста для собора и тому подобномъ, надобно подумать еще о положеніи епископовъ, объ отношеніяхъ, существующихъ между ними и ихъ паствами, и о многихъ другихъ предметахъ, чтобы дѣйствительно дать возможность членамъ собора быть выразителями мнѣній и потребностей своихъ паствъ, а не производа отдѣльныхъ лицъ. Не видя особенной надобности въ созваніи собора для какой бы то ни было цѣли въ настоящее время, я прихожу къ заключенію, что нѣтъ поѣтому особеннаго повода жалѣть и о томъ, что у насъ давно не было примѣненій этой формы церковнаго управленія. Недавній соборъ въ Константинополѣ достаточно можетъ вразумить всякаго любителя соборовъ и соборныхъ засѣданій и убѣдить въ томъ, что и въ наше время постановленія соборовъ могутъ выражать не дѣйствительныя мнѣнія ихъ членовъ, и тѣмъ болѣе паствъ, надъ которыми эти члены архипастырствуютъ, а совершенно постороннія виѣшнія вліянія. Та форма церковнаго управленія, которая существуетъ у насъ въ настоящее время, т. е. синодальная форма церковнаго управленія, можетъ также быть соборною,

то есть, быть проникнутою духомъ церковности, и въ практическомъ примѣненіи своемъ иногда можетъ даже болѣе подходить къ идеалу дѣйствительно-церковнаго управленія, нежели обыкновенная форма собора. Въ синодальной практикѣ нашего времени принято и, повидимому, стало обычнымъ порядкомъ, что каждый болѣе или менѣе серьезный вопросъ, требующій разрѣшенія высшей церковной власти, послѣ предварительнаго обсужденія его въ особу для того составляемой при Св. Синодѣ комиссія, передается на разсмотрѣніе всѣхъ епархіальныхъ преосвященныхъ, мѣстъ которыхъ и принимаются въ уваженіе при окончательномъ рѣшеніи дѣла членами Святѣйшаго Синода. Такимъ образомъ, хотя существующая у насъ форма церковнаго управленія не есть обыкновенная форма собора, но въ дѣйствительности она является соборною; тогда какъ и при обычной формѣ собора можетъ не быть соборности или церковности въ управленіи.

Не считая необходимымъ созваніе собора по поднятому въ нашихъ бесѣдахъ вопросу о нуждахъ единовѣрцевъ,—такъ какъ по моему убѣжденію не существуетъ никакого противорѣчія и никакихъ несообразностей въ рѣшеніяхъ церковной власти 1667 года и 1800 года касательно извѣстныхъ обрядовъ, — я желалъ бы въ заключеніе обратить ваше вниманіе на то, что не соборы, а совсѣмъ другія средства могутъ быть полезны для единовѣрцевъ и для успокоенія ихъ смущенной совѣсти; это именно—заботливость о развѣтн между ними просвѣщенія, заботливость о томъ, чтобы между ними дѣйствительно было создано общецерковное, можно сказать, вселенское ученіе, что об-

ряды сами по себѣ не составляютъ неизмѣняемаго предмета вѣры, что это именно такія вещи, которыя церковная власть имѣетъ право измѣнять, смотря по нуждамъ и обстоятельствамъ Церкви, и что повиновение церковной власти въ этомъ отношеніи несравненно спасительнѣе неизмѣннаго соблюденія тѣхъ или другихъ обрядовъ. Когда въ отношеніи всѣхъ раскольниковъ, а не только однихъ единовѣрцевъ, будутъ приняты всѣ возможные мѣры терпимости и употреблены достаточныя средства на народное образованіе и на приготовленіе возможно большаго числа просвѣщенныхъ служителей Церкви; то это гораздо дѣйствительнѣе успокоитъ русскую церковь и единовѣрцевъ, нежели всевозможные соборы, съ какой бы торжественностию ихъ ни собирали. Вообще преуспѣяніе въ усвоеніи истиннаго духа христіанства въ этомъ отношеніи гораздо полезнѣе, нежели простое обращеніе къ какой бы то ни было, хотя бы самой священной формѣ, которая, какъ форма, сама по себѣ еще не составляетъ дѣла.

И. Чельцовъ.